

Геннадий МАКСИМОВИЧ

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

Фантастический рассказ

Рано утром в полицейское управление сообщили, что ночью сгорела вилла профессора Реймона. Заняться этим делом комиссар Брюо поручил инспектору Тексье. Пожары — вещь нередкая, единственно, что смущало и комиссара и инспектора, — это то, что на месте пожарища обнаружено два трупа, хотя, по словам полицейского, обслуживающего этот район, на вилле находился один профессор.

Тексье побывал в шестом квартале и осмотрел виллу, а точнее, то, что от нее осталось, — обгоревший остов некогда красивого трехэтажного здания.

— Что, сильно обгорела? — спросил подошедший пожилой полицейский. — Но вы не удивляйтесь. Этот самый

Реймон был химиком. И, судя по рассказам соседей и племянника, наверху у него была лаборатория. А уж там-то наверняка было чему взорваться или вспыхнуть.

Побродив еще какое-то время по дышащим гарью остаткам виллы, инспектор понял, что ему больше здесь делать нечего — все было залито водой и затоптано пожарными. Остается надеяться на беседы с людьми и на собственную интуицию.

— А когда приблизительно начался пожар? — спросил Тексье у полицейского, доставая трубку и закуривая.

— Где-то среди ночи, часа в два или три. — Полицейский взглянул на инспектора, достал пачку сигарет и тоже закурил. — Пожарные приехали довольно скоро, но это не помогло — соседи заметили пожар, когда огонь уже охватил третий этаж. Потом они услышали сильный взрыв. Гасили долго. Знаете, старое дерево горит основательно, а все внутренние перекрытия этой виллы были деревянными. А около двенадцати дня приехал племянник Реймона. Он ужаснулся, когда увидел, что здесь произошло. Ну постоял немного, а потом сказал, что пока обоснуется в «Аисте».

— Но это же очень дорогая гостиница! — удивился Тексье.

— А что ему! Дядя был человеком богатым. Сами посудите — в гараже стоят две машины, а парень этот примчался на «ягуаре». От бедности столько не заведешь...

— Вы давно служите в этом районе? — спросил Тексье у полицейского.

— Да лет, наверное, двадцать. А точнее: девятнадцать с половиной. А что?

— Я в том смысле, хорошо ли вы знаете эту семью?

— Немного знаю. Раньше-то племянничек Анри доставлял некоторые хлопоты. Бедовый был. Но потом поуспокоился, так что особенно интересоваться им было ни к чему. Знаю только, что Реймон взял его к себе, когда у того умерла мать. А насчет отца не скажу, может, не было, может, сбежал еще раньше. Да вы лучше у соседей порасспросите. Они-то, наверное, больше скажут.

Прежде чем встретиться с племянником профессора, Тексье опросил соседей, но и они не могли сообщить ничего интересного. В этих богатых загородных районах люди мало знали друг друга. Все жили замкнуто, обособленно. И инспектор смог записать в блокнот только следующее: «Анри Лаперо — племянник Роберта Реймона. Около тридцати лет. В доме жили садовник и кухарка — муж с женой, а также горничная. Супруги уехали к сыну, у которого родилась девочка, а горничную хозяйин на несколько дней отпустил к подруге». Вот и все. О том, кто мог быть на вилле, кроме хозяина, соседи ничего определенного сказать не могли.

— Анри Лаперо? — переспросил инспектора портье «Аиста». — Анри Лаперо... Ах да, сорок седьмой номер. Ключ он не сдавал, так что скорее всего Лаперо здесь.

Тексье нашел нужный номер, постучал. Никто не ответил. Постучал сильнее. Через минуту дверь распахнулась. На пороге стоял высокий, чуть подвыпивший парень в джинсовом костюме.

— Чем обязан? — спросил Лаперо.

— Инспектор Тексье. Может быть, мы все-таки пройдем в номер?

— Вы что, по поводу этого пожара? — Лаперо не двигался с места. — Так я же ничего не знаю. Приехал, когда все сгорело. А кто мог быть у дяди — представления не имею.

— Все-таки давайте пройдем в номер, — спокойно сказал инспектор. — В коридоре я разговаривать не намерен.

— Ладно, проходите, — нехотя произнес парень, отодвигаясь и пропуская Тексье. — Так что же вас интересует?

— Я был бы вам признателен, если бы вы рассказали мне все по порядку, то есть как попали к своему дяде, как жили у него и все такое прочее. Не возражаете?

— Нет! Конечно же, нет. Мне совершенно все равно, с чего начинать. — Лаперо на какую-то секунду задумался, заговорил негромко: — Так вот... Дядюшка был братом моей матери. Хотя до того, как увидел его, о существовании каких бы то ни было родственников я и не подозревал. Отец исчез в неизвестном направлении, когда мне исполнился год или чуть больше. Через несколько лет скончалась и мать.

Я даже не представляю, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, если бы сердобольная соседка не обнаружила моего дядюшку. Не прошло и месяца со дня смерти матери, как к подъезду нашего дома подкатила шикарная спортивная машина. Из нее вышел молодежавый рослый человек с седеющими висками. Тогда он мне почему-то казался скорее ковбоем из фильма, чем ученым-биологом, кем он был на самом деле. Соседка сложила мои нехитрые пожитки, и мы поехали. Как только мы миновали черту города, мой милый дядюшка совершенно спокойно открыл окно машины и выбросил узелок с моими вещами. Я чуть не заплакал. Но он похлопал меня по плечу и, улыбнувшись, сказал: «Не горюй, Анри. Все, что было там, — барахло, и пусть им поживятся нищие. У меня ты будешь иметь только самое лучшее. Ну а на что тебя приспособить, мы потом посмотрим...»

Так я поселился у профессора Реймона. Прислуги в доме было немного: кухарка, ее муж — дворник, он же садовник, и горничная. Мною занималась горничная — молоденькая симпатичная девушка. Как я потом понял, дядя больше всего на свете любил машины, хорошую компанию и смазливых девочек.

На первом этаже виллы располагалась столовая, кухня и комнаты для прислуги. Мы с дядей жили на втором. А на третий он не пускал никого, даже горничную, и убирал сам. Мне он объяснил, что это его лаборатория, и приказал не совать туда свой нос.

Жил я как в сказке. Мне была предоставлена полная свобода. Дядя не обращал на меня никакого внимания. Но при этом я имел все, что мог пожелать мальчишка в моем возрасте. Я прекрасно понимал, что дядя это делал для того, чтобы я просто не мешал ему, и поэтому если не был в школе, то пропадал или в саду, или где-нибудь на улице. Благо дядя совершенно не интересовался моими школьными делами.

Лишь когда я кончил школу, дядюшка спросил меня, не надумал ли я, что делать дальше. Как сейчас помню, это было в тот день, когда мы побывали у него в институте. Я ответил тогда, что собираюсь поступать в университет, но не знаю, на какой факультет.

«Слушай, Анри, — сказал он мне, — не думай ни о чем. Захочешь учиться, поступай куда угодно — я это устрою. А лучше погуляй, пока молодой. Сам знаешь, деньгами я тебя не ограничиваю, так что развлекайся. А учиться еще успеешь. Главное — живи только для себя. Знаешь, думать о людях — занятие, быть может, и благородное, но совершенно ненужное. Люди нужны нам только для того, чтобы выполнять наши желания. И если ты будешь думать так, то всегда будешь счастлив...»

Для начала дядя решил отправить меня отдохнуть в Ниццу. Я, естественно, согласился и стал собираться. За два дня до моего отъезда нашему дворнику и кухарке пришла телеграмма, что у них тяжело заболел сын, который работал где-то далеко на севере. Дядя отпустил и их.

Не хочу рассказывать, как я отдыхал. Все было великолепно. Деньги у меня водились, и я мог ни о чем не думать. Так я прожил месяца три. Но пора было и домой возвращаться.

Приезжаю, подхожу к дядиной вилле. Дверь мне открыла молодая девушка, точно в дядином вкусе.

«Вы Анри? — спросила она, нежно улыбаясь. — Я новая горничная. Оставьте вещи здесь, я разберусь...»

Он посидел какое-то время молча, глубоко затягиваясь сигаретой и полузакрыв глаза. Казалось, будто он вспоминает что-то. Потом как бы встрепенулся и продолжал:

— А где-то через полгода на вилле появился брат прежней горничной. Он о чем-то объяснялся с дядей, и, судя по раздававшимся выкрикам, разговор был весьма бурный. Я понял одно: брат не мог найти свою сестру после того, как она от нас уволилась. Ну и у него, естественно, возникли какие-то подозрения. Когда он уходил, я слышал, как он сказал, что не оставит этого дела, пускай дядя не рассчитывает.

Я уж не знаю, предпринимал ли чего-нибудь этот парень или нет, так как вскоре опять уехал отдыхать.

Так беззаботно я прожил лет десять. Пытался было учиться, но вскоре бросил, так как мне надоело. Но последние годы дядя что-то начал чахнуть. Я подумал, что возраст все-таки берет свое, уж больно он осунулся, похудел, а кожа стала напоминать пергамент. Хотя глаза все равно оставались, как и раньше, решительными и злыми. Я было пы-

тался спросить у него, что с ним, он же успокаивал, говоря, что все в порядке и, наверное, просто устал.

И вот недавно, когда я был в Венеции, пришла телеграмма. Дядя срочно просил меня приехать. Причем он выслал мне денег и хотел, чтобы я обязательно купил машину и приехал на ней. Меня удивило такое желание, да и уезжать не очень-то хотелось, но послушаться его я не мог. Я купил «ягуар» и сегодня около двенадцати был здесь. Но, как видите, опоздал.

Анри Лаперо налил себе джина, откинулся на спинку дивана. Он казался совершенно спокойным, но инспектор видел, что он скорее всего пьян, а в таком состоянии бывают уравновешенными даже мелкие ворюжки.

— Та-ак, ну и чем же конкретно занимался ваш дядя?

Лаперо глотнул джина, сказал безразлично:

— Знаете, рассказ мой вам ничего не даст. Я советую посмотреть все самому, уверен, что на вас это тоже подействует, как на меня когда-то. Вы наверняка поймете, что такой человек, как он, не мог кончить хорошо, ведь существует же справедливость. Я был у него в лаборатории давно, но не думаю, чтобы дядя Реймон изменил тему своих работ. Он несколько раз приглашал меня к себе и потом, но я не мог, а вернее, просто не хотел... Такие вещи достаточно увидеть один раз... А теперь извините, мне надо немного отдохнуть. Что-то измотался за последние сутки. Если же я буду вам нужен, то вы меня легко найдете. Видеться мне ни с кем не хочется, так что в ближайшее время покидать гостиницу я не собираюсь...

Они попрощались, Пьер спустился на первый этаж и вышел из гостиницы. Сев в машину, он задумался. Разговор с Анри Лаперо дал ему, в общем-то, немного, а точнее — почти ничего. Хотя... если племянник и не причастен к случившемуся, то уж наверняка знает многое, о чем не пожелал рассказать инспектору. Это Тексье чувствовал интуитивно. Но все это было где-то подспудно, сейчас же надо было разработать версию: профессор — исчезнувшая горничная — ее брат, обещавший отомстить.

— Ну как, нашли племянника профессора? — услышал инспектор знакомый голос, едва только успев перешагнуть порог полицейского участка. Обернувшись, он увидел того самого полицейского, с которым познакомился у обгоревших руин виллы.

— Да куда он денется? — весело ответил Пьер, явно радуясь хоть немного знакомому человеку. — Все было так, как вы сказали.

— Тогда, что же вас привело к нам? — поинтересовался полицейский.

— Нужно кое-что выяснить. Кстати, хорошо, что я встретил именно вас. Думается, что вы можете мне во многом помочь, — сказал Пьер, ища глазами, где бы им лучше расположиться.

— Знаете что, давайте пройдем в комнату рядом с де-

журной, — предложил полицейский, поняв его взгляд. — Там в это время никого быть не должно.

Они прошли по полуосвещенному коридору и, свернув направо, оказались в небольшой комнате, вся обстановка которой состояла из длинного старого стола и не менее старых стульев.

— Так о чем вы хотели поговорить со мной? — с нескрываемым интересом спросил он, когда они уселись друг против друга. — Мне кажется, я рассказал вам все, что знал.

— Может быть, очень может быть, — не спеша ответил Тексье, медленно набивая трубку табаком, — по крайней мере, вы рассказали мне обо всем, что интересовало меня именно тогда. Но ведь время-то идет, — тихо произнес он, прикуривая. — Разговор с племянником этого самого Реймона, как вы сами понимаете, вполне мог заставить меня повидаться с вами еще раз. Вы же сами говорили мне, что служите в этом районе чуть ли не двадцать лет. Следовательно, вы не могли не знать горничную, которая служила у профессора.

— Симону Мантено? — спросил полицейский. — Знал немного.

— Расскажите мне о ней, — попросил Тексье.

— Многого я вам не расскажу, — подумав, сознался полицейский. — Одно знаю: спокойной и ласковой девушкой она была. Да это часто бывает у тех, кто рано осиротел. Ведь у нее с детских лет никого, кроме брата, не было...

«Вот брат-то меня и интересуется больше всего, — подумал Пьер, — но о нем потом».

...— Если самого Реймона не было, то она и на виллу приглашала. Всегда угостит чем-нибудь, — продолжал полицейский. — А то и нальет стопку-другую. Поболтаем немного и про хозяина, и про племянника... Правда, сама она таких разговоров никогда не начинала. Разве что только я ее об этом спрашивал...

— И что же она говорила о них? — перебил его Тексье.

— Что о племяннике, так это я вам еще в первый раз рассказывал. А вот о самом Реймоне... Чаще всего хвалила его, хотя и не согласен я с ней был. Честно говоря, недолюбливал я его... Нет, не думайте чего такого. Со мной, а я с ним встречался несколько раз, он всегда вежлив был. Так что тут придраться я не могу. И все-таки... холодный он, что ли, был какой-то. Я чувствовал, притворяется он все время. Наплевать ему на меня было, да и на всех вокруг. Но с Симоной я не спорил. Нравится ей хозяин, так не мое это дело...

— Она что, была влюблена в своего хозяина? А может быть, и не только влюблена? Такое, знаете, в кварталах, подобных вашему, не такая уж большая редкость.

Старый полицейский задумался. Но Пьер по выражению его лица понял, что угадал, и поэтому спросил тут же:

— Кстати, а куда она могла исчезнуть? Неужели так никто и не знает?

— Непонятно мне все это. Исчезла, и все тут. Реймон тогда говорил, что она рассчиталась и куда-то уехала. Но ведь я-то видел ее всего за несколько дней до этого, и она мне ничего о своих планах не говорила. Вот это-то и смущало меня больше всего. Я так и сказал обо всем, когда меня тогда спрашивали.

— Кто спрашивал?

— Как кто?.. — не сразу понял полицейский. — Да из управления. Через несколько месяцев после того, как Симона исчезла. Брат ее, что ли, разыскивать стал... Тогда со многими беседовали — и со мной, и с соседями, и с самим Реймоном. Но, насколько я понял, так ничего и не выяснив, прекратили дело. А вообще-то, кто его знает, может, что-то они и узнали тогда, да разве с таким человеком, как этот профессор, можно было тягаться, особенно такому простому парню, каким был брат Симоны. Силы-то совершенно неравные. А вы сами знаете, что это такое... — Старый служака безнадежно махнул рукой. — Ну а Реймон... Я почти и не видел его после этого. Разве что только мельком... И все же мне показалось, что ему все было нипочем. Даже вроде бы и помолодел...

— Это в каком смысле? — не понял инспектор.

— Да в прямом. Помню, я как раз мимо ворот виллы проходил, когда он выезжал. Ну, отдал честь по привычке. В нашем районе это любят, а мне разве трудно, — оправдывающимся голосом произнес полицейский. — Так вот, он высунулся из машины, улыбаясь как всегда, что-то сказал мне. А я смотрю и глазам своим не верю. Помолодел он чуть ли не раза в два. Меня аж передернуло. Стою и сказать ничего не могу. Нет, что бы мне ни говорили, а темной личностью был этот самый Реймон. Не знаю, чем уж он занимался, но верить такому человеку было нельзя... Я всегда так считал...

Старый полицейский продолжал что-то говорить, ругал Реймона, а Тексье лихорадочно выстраивал логическую цепь, приведшую к трагическому концу на вилле.

Горничная, влюбленная в своего хозяина. Роман мог длиться у них довольно долго, да и результаты его могли рано или поздно появиться. Естественно, они не устраивали ни девушку, ни профессора. Правда, здесь смущало одно: не верилось, что профессор решил сам избавиться от наскучившей любовницы. Откупиться ему было гораздо проще. Но ведь могло случиться, что она сама, разочаровавшись в своей любви, покончила с собой. Причем так, что и следов никаких не осталось. Такое встречалось часто. А если все было действительно так, то остальное гораздо проще. Брат Симоны, который вполне мог знать о связи своей сестры с профессором, узнает, что она бесследно исчезла. Естественно, первой же его мыслью было, что Реймон просто-напросто решил избавиться от нее. Это вполне объясняет и разговор брата с профессором, и мотивы убийства. Месть за сестру. И все-таки один момент оставался в этом случае неясным. Зачем было ждать столько лет?

Почти весь следующий день ушел на изучение дела об исчезновении Симоны Мантено, возбужденного ее братом Бернаром. Инспектор просмотрел протоколы опросов, показаний Бернара, профессора Реймона, но ничего интересного из всего этого так и не вынес. Профессор все время твердил, что горничная сама подала на расчет и куда-то уехала. Брат же повторял, что дело это нечисто и профессор просто избавился от Симоны. Соседи тоже не могли сказать ничего конкретного.

Но одно обстоятельство бросилось в глаза сразу: дело было явно не закончено. И, обратив на это внимание, инспектор вдруг вспомнил слова старого полицейского: да разве с таким человеком, как этот профессор, можно тягаться. И понял, что скорее всего он был прав. Тексье нашел инспектора, который когда-то вел это дело. Тот долго не мог понять, что интересуется Пьера, а когда наконец-то осознал, то просто повел плечами и доверительно сказал:

— Сам же знаешь, как бывает. Вызывает начальство и приказывает закрыть дело. И остается тебе только одно — подчиниться. А дело любопытное было.

После этого разговора инспектор понял, что ему остается одно — попытаться найти следы Бернара Мантено.

Тексье не раз бывал в районах, где сдаются дешевые меблированные квартиры, и знал, что особой чистоты там ждать не приходится, но такой грязи и столь едкого букета запахов, как на этой улице, он еще не встречал. Создавалось впечатление, что здесь не убирали уже несколько лет и что жильцы весь свой мусор выбрасывали прямо на улицу. В парадном дома, где жил Мантено, было еще хуже.

Перешагивая через груды мусора, Пьер наконец нашел необходимую квартиру. Нажав кнопку звонка, он услышал его звук за дверью. Но открывать ему явно никто не собирался. Инспектор подождал минуту и позвонил опять. Результат был тот же. Тексье уже направился к выходу из этого благоухающего здания, как вдруг столкнулся со сгорбленной старушкой, волочащей что-то в непомерно большой сумке.

— Извините, мадам, — галантно наклонившись, обратился к ней Тексье, — не знаете ли вы Бернара Мантено?

— А в чем дело? — спросила старушка, поставив сумку на пол и подозрительно взглянув на инспектора.

— Да вот хотел с ним парой слов перекинуться, а его нет дома.

— А, знакомый, значит, — со вздохом произнесла старушка, — как же мне не знать его, мы ведь соседи. Он в шестнадцатой квартире живет, а я в пятнадцатой. Только не вижу я его в последнее время. Может, уехал куда.

— А когда вы видели его в последний раз? — поинтересовался инспектор.

— Да не знаю, наверное, неделю назад.

После этого Тексье уже не удивило сообщение о том, что Мантено уволился из авторемонтной мастерской. И как раз неделю назад. Но совсем не ложились в наметившуюся версию итоги осмотра его квартиры.

«Что же тебя смущает, дорогой инспектор? — уж в который раз задал себе вопрос Тексье. — Начнем разбираться по порядку. Первое — холодильник. Да, именно он. Холодильник в квартире Мантено был отключен. Но как-то не верится, что человек, решив свести счеты, будет думать о таких мелочах. Что еще? Начнем с передней. Старый плащ на вешалке, не менее старые, стоптанные туфли, замасленная кепка... Вот, пожалуй, и все. Дальше. Комната. Стол с клеенкой, которую давно не мыли, шкаф, полный нестиранного постельного белья и грязных сорочек... Да, но ведь ни одной чистой вещи. Это уже странно. Хотя что-то должно быть. Книжная полка. Книг почти нет. Штук три по эксплуатации автомобилей да несколько брошюр по судовым двигателям...

«Болван, о чем же я думал раньше?! Ведь от автомеханика до судового механика не так уж и далеко. Может быть, он сейчас в плавании, а я считаю его погибшим во время пожара?»

Более трех часов потратил Тексье на выяснение одного вопроса — не заключил ли Бернар Мантено контракт с одной из судовладельческих фирм и не ушел ли он в плавание. Не очень веря, что узнает хоть что-то, он позвонил по телефону.

— Бернар Мантено? Он принят помощником старшего судового механика на сухогруз «Бернадета». Думаю, название его вполне устраивало. — Человек, находящийся на другом конце провода, засмеялся. — А когда они выплыли? Так это я сейчас посмотрю... Вот, точно. Пятнацатого...

Он говорил еще что-то. Но Пьеру уже все было ясно. Бернар Мантено ушел в плавание за сорок восемь часов до того, как загорелась вилла профессора Реймона. Поблагодарив служащего компании, Тексье повесил трубку.

«Вот так-то, господин инспектор, — подумал Пьер. — Вы всегда спешили с выводами. А что получилось? Да ничего хорошего. И время уходит. А шкуру с вас сдерут, если вы во всем этом не разберетесь. Начинать-то надо с самого начала. Итак, что есть у нас: сгоревшая вила, два трупа (хотя по логике вещей должен быть один), и больше ничего».

...Попасть в институт Реймона оказалось труднее, чем это предполагал Пьер. Тщательно проверив удостоверение Тексье, охранник вызвал по телефону заместителя директора института.

— Понимаете ли, — объяснил он Пьеру, — мне был дан приказ, чтобы вас сопровождали.

В проходную вошел высокий седой человек лет пятидесяти. Белый халат делал его похожим на врача, но большие роговые очки придавали лицу вид хищной птицы.

— Вы инспектор Тексье? — спросил он, обращаясь к Пьеру. — Меня попросили, чтобы я познакомил вас с теми работами нашего института, которые вел сам профессор

Реймон. Пойдемте. Хочу вам сказать, — продолжал он, уже поднимаясь по лестнице, — что Реймон был великим ученым, настоящим гением генетики. Я не преувеличиваю. То, что удавалось ему, насколько я знаю, не получалось больше ни у кого. Надеюсь, вас предупредили, что все, что вы узнаете здесь, является государственной тайной?

Они вошли в комнату, сплошь уставленную клетками, банками и непонятными для Пьера приборами. Запах стоял жуткий, инспектору хотелось зажать нос, но он взглянул на своего провожатого и решил этого не делать.

— Вот видите, вроде бы и обыкновенная крыса, — показал заместитель директора на одну из клеток, — но на самом деле это просто чудо. На нее не действуют никакие яды, она способна приносить каждые пять дней по два десятка крысят и съедает за день в два раза больше, чем весит сама. Если запустить десятка два таких крыс в какую-нибудь сельскохозяйственную страну, то всего лишь за год они полностью разорят ее.

А это, — заместитель директора указал на огромную стеклянную банку, — комары. Да, да, обыкновенные комары, но укус их смертелен.

Далее Тексье увидел овода, после укуса которого любое животное перестает давать молоко и приплод. Есть и пчелы, которые, собирая мед, раз и навсегда уничтожают растения...

От всего увиденного Тексье стало не по себе, и, когда заместитель директора предложил ему пройти к нему в кабинет, он с радостью согласился.

— Вы понимаете, что увидели? — не без самодовольства сказал заместитель директора. — Нет, явно не понимаете! Это же новое оружие, изобретенное Робертом Реймоном! Представьте только, что будет, если применить все это. Любое государство не только разорится, но и вымрет. И знаете, все в этом оружии учтено. Вот возьмите комаров. Они сконструированы так, что всегда обитают на одном и том же месте, где-то в радиусе ста километров. И мало того, срок их жизни всего десять дней. Человек же от укуса такого комара умирает через пять минут.

Вы, наверное, удивитесь, что я сказал слово «сконструированы». Вроде бы оно и не подходит к живым тварям. Но я сказал совершенно правильно. Роберт Реймон научился менять наследственность любого живого и растительного организма в нужном направлении. Теперь мы умеем вмешиваться в наследственные структуры и вносить туда необходимые гены или же изымать те, которые не нужны.

Тексье с ужасом представил, как в ста километрах от границы какого-либо государства кто-то выпустит миллионы таких комаров. Бояться нечего, ведь даже если их снесет ветер, они все равно будут жалить лишь тогда, когда вернуться на тот участок, где были выпущены. А сделав свое дело, они через десять дней умрут. И пожалуйста, путь для завоевателей свободен. Мало того, не страшно и разложение трупов, которые некому будет убирать, за «уборку» территории примутся крысы. А сожрав трупы, они начнут пожи-

рать друг друга. И придется потом уничтожить только нескольких крыс. То есть завоеватель придет практически на чистое место.

Заместитель директора откинулся на спинку кресла, многозначительно улыбнулся. Инспектор с ужасом наблюдал, как этот человек с гордостью и даже некоторой завистью рассказывает о «великих» открытиях своего покойного шефа. А ведь, в сущности, все то, чем они здесь занимались, было преступлением. Тексье знал, что в различных секретных лабораториях министерства обороны нередко творятся страшные вещи, но такое ему и в голову не приходило. Инспектор поймал себя на мысли, что ему в общем-то и не жалко Роберта Реймона, которого постигла такая участь.

— Скажите, а вы не знаете, были у Реймона враги? — спросил Пьер.

— Да нет, что-то не припомню, — ответил, чуть помедлив, заместитель директора. — Сами понимаете, враги бывают только у тех, чьи работы могут вызвать зависть. А работы Реймона были засекречены. Правда, некоторую зависть вызвало одно его открытие... Понимаете ли, Реймон каким-то образом научился омолаживать себя.

При этих словах Пьер вздрогнул. Ему вспомнился рассказ старого полицейского о помолодевшем после исчезновения горничной профессоре.

...— Как он это делал, я не знаю, но факт был налицо. Лет десять назад или где-то около того Реймон помолодел сразу лет на двадцать пять. Не только я, многие просили его открыть секрет, но он отвечал, что это его самое великое открытие и продавать его кому бы то ни было он не собирается.

«Омолаживался... Но как? Бред какой-то, — рассуждал сам с собой Тексье, выходя из мрачного здания института. — И почему Анри Лаперо ничего не рассказал об этом? Интересно-о... Ведь о такой вещи он обязательно должен был рассказать, если, конечно, за этим не стоит что-то такое, о чем он предпочел бы умолчать. Надо все-таки проверить, когда он попал в город. «Ягуар» — машина, которую нельзя не заметить. А из Венеции он мог попасть сюда только по южному шоссе...»

Опрос полицейского, который дежурил той ночью на южном шоссе, превзошел все ожидания.

— По-моему, я видел ее рано утром... Да, да, серебристо-розовый «ягуар» с черной полосой выезжал из города, едва начало рассветать.

— Куда... куда он ехал? — переспросил пораженный инспектор.

— Из города, — ответил полицейский, удивленно подняв брови. — А в город он въехал что-то около двенадцати ночи, я только-только на смену заступил. «Ягуар» — машина приметная, а тут вдруг туда промчалась, потом обратно...

Итак, Анри Лаперо.

Портье гостиницы «Аист», когда Тексье осведомился у

него насчет Лаперо, ответил, что тот находится в ресторане. Тексье вошел в зал и сразу же увидел племянника Роберта Реймона. Тот сидел, откинувшись на спинку стула, и читал газету. Перед ним дымилась чашечка кофе и стояла недопитая бутылка джина.

— А, инспектор, — отложив в сторону газету, произнес Лаперо, когда инспектор подошел к его столику. — Как идут дела?

— Да так, помаленьку.

— Может быть, хотите перекусить? Я, правда, уже закончил, но могу еще раз поесть за компанию.

— Разве что чашку кофе.

— Хорошо, сейчас закажу. Ну как, побывали в лаборатории покойного дядюшки или не удалось?

— Удалось. Но, честно говоря, я пришел не за тем, чтобы говорить о работах вашего родственника...

— А-а о чем?.. — замялся Лаперо.

— О вас. Меня интересует, что вы могли делать в горде с полуночи до рассвета? Почему умчались из города и не сказали мне, что первый раз приехали не в двенадцать дня, а в двенадцать ночи? Если вы хотели скрыть это, значит, имели какое-то отношение к тому, что произошло на вилле.

Анри Лаперо молчал и смотрел на инспектора. Тексье почувствовал, что, кажется, вышел на верный след.

Лаперо открыл бутылку джина, наполнил стакан. Руки его заметно дрожали. Он залпом опорожнил стакан и устало полужакрыл глаза. Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил:

— Да, вы были правы, когда говорили, что обязательно выясните, когда я приехал в город. И мне не остается ничего, кроме как сознаться. Но не потому, что вам удастся что-то доказать, а оттого, что мне самому врать противно. Однако, чтобы вы поняли все, я начну не с той ночи, когда сгорела вилла, а с тех чудес, которые происходили с моим дядей гораздо раньше...

Он еще раз налил себе джина, разбавил его тоником и, отхлебнув немного, продолжил:

— Первый случай произошел, кажется, года через два после того, как я поселился у Реймона. Из-за своей привычки носиться на машине с дикой скоростью дядя попал в аварию. Отделался он сравнительно легко. Правда, левая нога была изуродована так, что ее пришлось отнять.

Вы даже представить себе не можете, какой он приехал из больницы. Был зол, как тысяча чертей. Мы все боялись попадаться ему на глаза. Так продолжалось, наверное, с неделю. Потом как-то к вилле подъехал небольшой грузовичок с мешками, ящиками и бутылками. Все это отнесли на третий этаж. Дядя заперся там и спускался только обедать. И с каждым днем настроение у него улучшалось.

А однажды вечером к дому подъехала белая крытая машина. Из нее вышли два здоровенных парня в белых халатах и врач-хирург, один из немногочисленных друзей дяди.

Через некоторое время двое молодцов вынесли какой-то длинный ящик, а врачи взяли дядю под руку, и они сели в машину.

Вернулся дядюшка через месяц и уже, как говорится, на своих двоих. Он рассказал нам, что его друг пришел ему ногу от какого-то попавшего под машину бедняги, которого привезли в госпиталь полумертвым. Все мы были рады, и никто не заподозрил ничего плохого. Я тогда и значения не придавал тому, что дяде моему так везет. У других и менее сложные операции по пересадке не удаются, а тут целую ногу пришили.

Другой случай произошел с дядюшкой лет через пять после первого. Что-то вдруг он начал с лица спадать, стал весь какой-то не то желтый, не то серый. Я ему советовал дышать больше, а он говорил, что работы у него много, мол, некогда. Хорохорился он так, хорохорился, да и слег. Ну, тут врачи забегали, целые консилиумы собрались. И пришли к выводу, что у дяди не то цирроз, не то еще что-то в этом роде, в общем, печень отмирает. Понятно, это мало кого бы обрадовало. А я смотрю, дядя вроде бы и не очень переживает. Все только твердит, что он обязательно поправится. А дальше все повторилось как в первый раз. Приехал к нам такой же грузовичок со всякой дрянью. Потом дядя опять заперся у себя, почти не показывался. Через некоторое время его увезли в больницу. Не помню, сколько времени прошло, а как-то утром смотрим — привезли дядю, и он веселый такой, прямо-таки счастливый.

«Ну, Анри, меня теперь вылечили, — сказал он. — Печень как новая».

Вот тогда-то и повез он меня в лабораторию. Не знаю, что видели вы, но мне того, с чем познакомил меня дядя, было вполне достаточно, чтобы понять, сколь мерзкими делами занимается это милое учреждение... И все твердил мне: «Поверь, Анри, все, что ты видел, — это не самое великое, на что я способен. Только об этом пока никто не знает. Знаешь, я могу стать практически бессмертным».

С того нашего разговора прошло какое-то время. Я все гадал, что имел в виду дядя, когда говорил, что он практически бессмертен. Но так и не пришел ни к какому выводу, решил, что он приврал. Потом я поехал дышать на три месяца. Так мне посоветовал дядя. Да я вам уже рассказывал об этом. Помните, когда я вернулся и застал на вилле новую горничную?..

— Да, да. Помню. Продолжайте, пожалуйста...

— Так вот, эта новая горничная сказала, что дядюшка ждет меня в своем кабинете. То, что я увидел, открыв дверь, невольно заставило меня остановиться. За столом сидел... дядя, но не такой, каким я его оставил, уезжая, а такой, каким он был, наверное, лет тридцать назад.

«А, Анри, входи, — сказал он, подняв голову. — Я вижу, ты удивлен. В первый момент у всех подобная реакция. Ты садись, я сейчас объясню тебе, в чем дело. Помнишь, я когда-то говорил тебе, что могу стать практически бессмертным. Так вот, я добился этого. Результаты,

как видишь, налицо. Я омоложен. Попробуй скажи после этого, что я не гений».

Он продолжал говорить еще что-то в этом же духе, но я не мог его слушать — так был потрясен тем, что увидел...

Что было потом, вам уже известно. Теперь вы знаете обо мне все... Ну а неделю назад или чуть больше я получил от дяди ту самую телеграмму, о которой говорил в прошлый раз. Как вы видели, его просьбу я выполнил, купил «ягуар» и приехал сюда. Вы правы, я приехал ночью. Дверь мне открыл он сам. На мой удивленный вопрос он ответил, что горничная уехала на пару дней к подруге, а кухарку и дворника отпустил к сыну, у которого родилась девочка. Когда мы вошли к нему в кабинет, я заметил, что выглядит он хуже, чем до моего отъезда. Он усадил меня в кресло и начал свой последний рассказ.

«Для того чтобы ты все понял, Анри, — сказал он, — начну с самого начала. Ты помнишь, когда я попал в аварию и мне отрезали ногу? Еще в больнице, а потом и здесь, дома, я думал, что же можно сделать, чтобы вернуть потерю. Советовался с хирургами. Помнишь того Гарро, который меня оперировал? Так вот он мне и объяснил, что сделать практически ничего нельзя. Врачи еще не научились полностью подавлять реакцию отторжения, так что если бы и была подходящая нога, то все равно меня бы это не спасло. Он же мне сказал, что пока удачные операции по пересадке бывали только тогда, когда от одного однояйцового близнеца пересаживают что-то другому.

Эта фраза сразу же взбудоражила меня. Я ведь уже тогда занимался выращиванием целого организма из одной клетки. Понимаешь ли, ученым известно, что организм можно вырастить из одной, причем любой клетки, если суметь разбудить в ней всю наследственную информацию, а не только относящуюся к деятельности того органа, откуда эта клетка взята. Конечно, необходимо еще создать и специальную питательную среду, где эта клетка сможет делиться и размножаться.

Я приготовил питательную среду, вырезал у себя маленький кусочек кожи, отобрал самую лучшую клетку, обработал ее и положил в смесь. Деление началось, да еще в каком темпе! Мне приходилось менять сосуды на большие, наливать свежую смесь. На последнем этапе мой двойник лежал уже в ванне.

Когда, по моим расчетам, ему стало около 20 лет, я решил, что пора приступать. Гарро приехал за мной. Его мальчишки взяли ящик, куда я упаковал усыпленного двойника, и через несколько часов я был уже с ногой».

«Значит, вы отрезали ногу у живого человека? — не выдержал я. — Как мог Гарро пойти на это?»

«Ну, во-первых, Гарро должен был делать все, что я приказывал. Он был полностью в моих руках, поскольку я знал о нем кое-что. А потом, что страшного в том, что мы сделали? — равнодушно сказал дядя. — Ведь я же сам создал этого двойника. Из собственной клетки».

«Но ведь это был настоящий, живой человек!»

«Живой — да, но разве это был человек? Он еще ничего не понимал, он, так сказать, был отключен от внешнего мира, и мозг его был чище мозга новорожденного. Поверь, страшного в этом ничего нет».

Я не мог прийти в себя от охватившего меня ужаса. Дядюшка, мой дядюшка Роберт... Неужели он способен на такое?!

«Как ты понимаешь, — продолжал дядя, — когда у меня болела печень, пришлось поступить таким же образом. Ведь первого я вынужден был усыпить окончательно. Не возиться же с этим одноногим недоумком всю жизнь только из-за того, что когда-нибудь тебе может потребоваться от него еще какая-то запасная часть. Гораздо проще сделать нового.

Но когда Гарро вскрыл меня, пересаживая печень, он обнаружил, что организм мой внутри весь поражен метастазами рака. Спасти меня уже было невозможно, хотя месяц-другой я мог еще протянуть. Да, тут было над чем подумать. Я знал, что могу создать себе двойника, но в данном случае помочь он мне, в общем-то, не мог. И все-таки я должен был использовать то, что умел. И тут, сейчас уже не помню в связи с чем, я неожиданно вспомнил о компьютерах. Если бы ты проторчал в университете подольше, то знал бы, какая это замечательная штука. Я вспомнил, как однажды, когда я заказывал какие-то приборы в одной фирме по производству электронно-медицинского оборудования, директор рассказал мне об интересном заказе, который они получили от некоего Рене Деллэна. Так вот, этот самый Деллэн разработал так называемый психошлем, с помощью которого компьютер мог бы улавливать биотоки, выделяемые как работающим, так и находящимся в покое человеческим мозгом. Нужен был только дешифратор импульсов, чтобы вести эту информацию мозга в компьютер. Фирма взялась изготовить и его».

Тогда этот прибор не заинтересовал дядю. Но потом, когда он узнал, что жить ему осталось всего ничего, он вспомнил об этом изобретении. Дядя понял, что с помощью такого шлема и дешифратора он сможет ввести в компьютер не только находящуюся в мозгу информацию, но и свое самосознание.

«Так вот, вспомнив все это, — продолжал дядя свой рассказ, — я решил объединить эти приборы. Я знал, что могу создать себе двойника с совершенно нетронутым, чистым мозгом, потом передать в компьютер всю свою мозговую информацию и самосознание, а компьютер вложит все это в мозг моего двойника. И он ничем не будет отличаться от меня, разве только возрастом. Так это даже хорошо. Мысли будут мои, то есть он будет мною. Короче, это буду я, в другой, более молодой оболочке, не подверженной недугам.

Сложность заключалась в одном. Нас не могло быть двое. Я знал свой характер и понимал, что сам не допущу существования меня второго и сделаю все, чтобы остаться одному. Но беда в том, что я, второй, буду мыслить так же и, значит, конфликт неминуем. Меня, старого, должен был

кто-нибудь убить, как только передача интеллекта и самосознания закончится.

Двойника я вырастил довольно быстро. За это время удалось достать компьютер, и мне сделали два специальных шлема, ведь передача должна была состояться сразу в двух направлениях — от меня, старого, в компьютер и от компьютера в меня, нового. Когда все это было готово, я отправил тебя в Ниццу, а тут еще вовремя сын вызвал куртку и дворника.

Как только мы остались вдвоем с горничной, я популярно рассказал ей все и, вручив пистолет, приказал ей выстрелить в меня, старого, как только на шлеме зажжется лампочка, показывающая, что из мозга взято уже все, что только в нем было. Она сначала отказывалась, но я долго угрозовал ее, и она поддалась. Да иначе и быть не могло, ведь она любила меня и готова была выполнить все, что я прикажу. Ну и... вернувшись из Ниццы, ты увидел меня помолодевшим и здоровым...»

«А что же было дальше с горничной? Ты ее уволил?» — зачем-то спросил я, уже догадываясь, как мой миленький дяденька Реймон поступил с ней.

«Нет, — ответил он совершенно спокойно. — Когда я снял шлем, она сидела на полу и рыдала. Пистолет валялся рядом. Я поднял его и выстрелил... Она могла проболтаться.

Но я, как ты, наверное, понимаешь, вызвал тебя не для того, чтобы покаяться в грехах. Дело в том, что в моих расчетах произошла досадная ошибка. У меня опять рак. Не знаю точно, возможно, мой организм генетически предрасположен к нему или же это просто совпадение, но это так. И, значит, я вынужден проделать все в самого начала. А поможешь мне в этом ты?»

Я был настолько поражен всем услышанным, что даже не стал возражать. Мы поднялись на третий этаж, и он открыл дверь. В полумраке, который царил там, я разглядел огромные столы, заставленные многообразными колбами, мензурками невероятных форм и размеров и большим количеством приборов, совершенно непонятных мне. Мы прошли в следующую комнату. Там стояли два одинаковых дивана, стулья, стол и компьютер в углу. На столе возвышались два шлема, очень похожие на те, которыми женщины в парикмахерских пользуются для сушки волос. На одном из диванов кто-то лежал.

«Взгляни-ка на меня, нового, — сказал мне дядя таким спокойным голосом, как будто он и не рассказывал только что обо всех мерзостях, которые совершал. Он повернул выключатель. — Вот видишь, он совершенно такой же, каким был я, когда ты вернулся из Ниццы. Сейчас он спит. Так и должно быть. В таком состоянии он лучше все воспринимает. Минут через пятнадцать после того, как все закончится, он проснется. Ты понял, что должен делать? Как только на моем шлеме зажжется вот эта лампочка, — он указал на маленькую лампочку рядом с проводами, соединявшими шлем с металлическим ящиком, — ты застрелишь

меня, старого. Да! — спохватился дядя. — Ты умеешь стрелять?»

Я сказал, что умею. Тогда он встал, надел шлем на спящего, потом зачем-то улыбнулся мне и, надев второй шлем, лег на соседний диван. Мне было не по себе. Держа пистолет в правой руке, я спустился в дядин кабинет, налил в стакан джина, выпил. В голове теснились различные мысли. Я был в ужасе от того, что услышал, но не знал, что могу предпринять, хотя прекрасно понимал, что делать что-то нужно. Нельзя же допускать, чтобы мой дорогой дядюшка Реймон и дальше продолжал творить все это.

Неожиданно мелькнула мысль, а не собирается ли он и со мной поступить так же, как с той горничной? Уж не по этой ли причине он приказал мне приехать на машине? Кто меня видел? Да никто. Прилети я самолетом...

Все, что произошло дальше, я помню смутно. Я был как во сне. Когда я поднялся в лабораторию, лампочка на шлеме еще не зажглась. И все же я выстрелил... Два раза... Ни тот, ни другой не успели даже охнуть. Потом я сбежал на первый этаж, рванулся было к двери, но... вернулся и щелкнул зажигалкой...

И не думайте, что я жалею об этом. Когда я вспоминаю все, что увидел в лаборатории, и то, что рассказал дядя в последнюю ночь, то понимаю, что не мог поступить иначе. Любое зло должно быть наказано.

Анри Лаперо замолчал. Глаза его горели, и Тексье видел, что племянник действительно не жалеет о том, что совершил.

